

VII. МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ.
САМОРЕФЛЕКСИЯ, СМЕЩЕННАЯ НА ОБЪЕКТ

Дмитрий Долгушин

Придворный локус и авторефлексия
русской литературы

конца XVIII — первой половины XIX в.:

Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев

Любая авторефлексия подразумевает некоторый взгляд на самого себя. При этом ракурс, в котором мы себя видим, зависит от точки зрения, на которой мы находимся, в которой мы локализованы. Понятно, что локализация задается *локусом* — как в переносном смысле культурного или общественного пространства, в котором я существую и себя позиционирую, так и в конкретно-топографическом смысле *места*, в котором я нахожусь.

Первая половина XIX в. была временем интенсивной авторефлексии русской литературы, развернутой как перспективно (ср. знаменитый тезис «у нас нет литературы»), в будущее, так и ретроспективно, в прошлое (именно в это время появляются первые академические курсы по истории русской литературы). Пространством такой авторефлексии были страницы журналов, университетские аудитории, гостиные салонов и кружков. Всё это достаточно известные и изученные сюжеты. Но один из локусов авторефлексии русской литературы этого времени, кажется, еще никогда специально не выделялся и не обсуждался — это императорский двор.

Ученый, труды которого в XX в. дали мощный импульс изучению двора, немецкий социолог Норберт Элиас, для осмысления специфики придворного общества ввел термин

«фигурация». Этот термин заимствован из теории музыки, где он обозначает «придание формы или формирование образа с помощью усложнения музыкальной фактуры мелодическими, ритмическими или гармоническими элементами»¹. Примененный социологически, термин «фигурация» позволяет выявлять такие формы общественной жизни, которые, несмотря на смену вовлеченных в них людей и некоторые изменения акцентировок, остаются по сути неизменными и воспроизводятся на протяжении поколений — не столько выстраиваемые людьми, сколько сами выстраивая людей, включенных в их пространство. «Каждый из индивидов, входящих в такие фигуры, уникален и неповторим. Но сама структура может при относительно невысоком темпе изменений сохраняться в течение многих поколений»², — пишет Элиас. Таким образом, фигурация принципиально *устойчива*.

Будучи устойчивой, она опирается на *устои*. Для фигурации двора эти устои определялись двумя аспектами его существования: во-первых, двор был государственной институцией, в которой несли службу причастные к нему лица: члены императорской фамилии и придворные служащие³. В этом смысле жизнь двора нормировалась специальными законами и постановлениями. Во-вторых, двор был как бы разросшейся императорской семьей. В этом смысле жизнь двора напоминала быт богатого помещичьего семейства.

Пропорция между данными аспектами была разной. Ни от одного из них нельзя было отказаться (для императора невозможен был ни полный уход в семейную жизнь, ни полный отказ от семейной жизни), но их можно было по-разному сочетать. Если на протяжении XVIII в. на первом плане стоит явно первый аспект, и монархи (по наблюдению Ричарда Уортмана) позиционируют себя в качестве героев, возвышаю-

¹ См.: Костецкий, Михаил. Понятие фигуры у Норберта Элиаса // Социологические исследования (СоцИс), 2011, № 12, с. 126-130.

² Элиас, Норберт. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002, с. 24.

³ См.: Несмеянова, Ирина. Российский императорский двор первой половины XIX века. Дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2002, с. 28-56, 78-105.

щихся над своими подданными, демиургов социального и культурного мира, то в XIX в., особенно при Николае I, на первый план выходит второй аспект. Николай I, очень любивший свою семью, кладет в основу репрезентации власти семейную стратегию⁴.

Средствами репрезентации власти при дворе являлась особая организация культурного пространства придворной жизни, в которой существенную роль играл эстетический элемент, особенно наглядно проявившийся во время династических торжеств, сопровождавшихся особыми церемониями. В этом смысле придворная жизнь была своего рода «синтезом искусств» (воспользуемся термином Павла Флоренского), соединявшим драматический театр, балет, инструментальную музыку, оперное, камерное и хоровое пение, дизайн интерьеров, ландшафтов и костюмов. Довольно рано в этот синтез вошла и литература. «Торжественная ода, похвальная речь («слово») <...> жили не столько в книге, сколько в церемониале официального торжества»⁵, — пишет Григорий Гуковский о важнейших для XVIII в. жанрах русской словесности.

Вождем для литераторов этого столетия статусом на протяжении долгого времени было положение придворного поэта. Однако твердой институализации (подобной институализации поэтов-лауреатов в Англии) данной должности не произошло, и основной ролью, которая в конце концов досталась литераторам в придворной фигурации, стала роль учителей русского языка и литературы для лиц императорской фамилии. Это положение и подталкивало к писательской авторефлексии — ведь для того, чтобы преподавать русскую литературу, нужно было ее концептуально осмыслить.

Впрочем, преподавать ее понадобилось далеко не сразу. Царевичу Алексею Петровичу, Петру II и Петру III (в бытность его великим князем) литература не преподавалась. Впервые литературный элемент в обучение наследника престола ре-

⁴ См.: Уортман, Ричард. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002.

⁵ Гуковский, Григорий. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 13.

шила внести Екатерина II, причем весьма радикально — наставника для своего сына Павла она принялась искать именно среди литераторов. С предложением принять на себя эту обязанность императрица обратилась по очереди к д'Аламберу, Дидро, Мармонтелю, Сорену, но все они отказались, и должность осталась в руках Никиты Панина, назначенного обергофмейстером при наследнике престола еще в 1760 г. Занятый делами по иностранной коллегии, Панин переложил большую часть трудов на молодого учителя Семена Порошина. Порошин был, отчасти, литератором, публиковался в «Ежемесячном журнале», но отдельных уроков по русской литературе не вел (хотя затрагивал связанную с ней тематику во внеурочных беседах с учеником), и Павел Петрович так и остался без литературного образования⁶.

Впервые систематически изучать русскую литературу стали великие князья Александр и Константин Павловичи. В качестве учителя русской истории, русской словесности и нравственной философии к ним был приглашен известный поэт-сентименталист Михаил Муравьев. Он, фактически, сделался вторым по значению после Лагарпа наставником великих князей.

Нужно сказать, что Муравьев вместе с другими учителями оказался в трудной ситуации: Екатерина категорически запретила наказывать внуков, из которых один — Константин — отличался довольно вздорным характером и гиперактивностью. Оставалось одно — увлечь, и Муравьев стал писать для своих учеников пособия в занимательной форме. Часть из них является, по сути, художественными произведениями⁷, часть напоминает учебник, но написанный художественным языком. В

⁶ См.: Бокова, Вера. Детство в царском доме. Как росли наследников русского престола. М.: Ломоносовъ, 2011.

⁷ О взаимоотношении художественной и педагогической прозы Муравьева см.: Росси, Лаура. Сентиментальная проза М. Н. Муравьева // XVIII век. Сборник 19. Отв. ред. Наталья Кочеткова. СПб.: Наука, 1995, с. 114-146; Топоров, Владимир. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исслед., материалы, публ., кн. 1: М. Н. Муравьев: введение в творческое наследие. М.: Языки русской культуры, 2001 (раздел «Проза М. Н. Муравьева»).

силу того, что Муравьев должен был преподавать сразу три предмета, его учебные материалы синкретичны: они содержат фактологический материал по истории и литературе, соединенный с нравственными рассуждениями. Правда, по сравнению с другими двумя ингредиентами история литературы (или «изящных писем», как пишет Муравьев, калькируя франц. «belles lettres») представлена в них в крайне скромных размерах.

Ее изучение, как и положено в преподавании, предварялось разговором об общем значении изучаемого предмета и его практической ценности для обучаемых. Любопытно, что, рассуждая об этом, Муравьев актуализирует бытовой, прагматический контекст. Главное значение «изящных писем», объясняет он своим ученикам, — в том, что они избавляют от скуки, изошряют мысль и развивают воображение. «Люди высших состояний общества» (в отличие от постоянно поглощенных трудами простолюдинов) беззащитны перед скукой, этим «мучением праздных и богатых», «мукой, какой не умеют изобрести тираны». В борьбе с ней просвещенному человеку «предоставляют приятную свою помощь» «забавы воображения». «Прелесть чтения» спасает в «минуты уныния и неудовольствия»⁸.

В этих рассуждениях можно различить отзвуки столь важной в «истории чувств» темы меланхолии, но на первом плане в них все же стоит повседневный контекст. Литература подается как факт дворянского быта. Не возвышенностью идей, а интегрированностью литературы в домашнюю повседневность стремится Муравьев заинтересовать своих учеников.

Излагая «историю изящных писем российских», Муравьев после нескольких слов о древнерусской литературе, переходит к более подробному разговору о литературе современной. Характерным дидактическим приемом при этом является сжатость изложения и четкость концепции. Из писателей и поэтов XVIII в. Муравьев упоминает только двенадцать (для

⁸ Муравьев, Михаил. Забавы воображения // Сочинения Муравьева. Т. 2. СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1847, с. 228-235.

сравнения: в словаре Николая Новикова даны сведения о 261-м литераторе этого столетия⁹), и они четко ранжированы.

На «первой степени письмен российских» стоит Михаил Ломоносов. Это гений русской литературы, «он произвел всеобщее к себе пристрастие и множество подражателей, не будучи превзойден донныне». Главным неудачником русской литературы назначен Василий Тредиаковский, «который, испытывая все роды, показал недостаток вкуса и дарований своих». Между ними располагаются остальные, каждый из которых охарактеризован одним признаком: Александр Сумароков — «первый трагик», Михаил Херасков — «посвятил лиру свою добродетели», Гавриил Державин — «отличается приятным своенравием в своих картинах» и т. д.¹⁰ В итоге складывается упрощенный, но легко запоминающийся образ русской литературы. Очевидно, что подход Муравьева далек от академизма, ракурс его учебного обзора определяется целями нравственной дидактики, поэтому и теоретические, и фактологические сведения в нем даются в ограниченном объеме.

Самым известным русским литератором, исполнявшим педагогические обязанности при дворе, был Василий Жуковский. Его придворная карьера началась в 1815 г., когда он поступил на должность чтеца императрицы Марии Федоровны. В 1817 г. поэт стал преподавателем русского языка великой княгини Александры Федоровны, а в 1826 г. — наставником наследника престола.

Во многом Жуковский следовал по стопам Муравьева, творчество которого хорошо знал, будучи не только внимательным читателем, но и добросовестным издателем его произведений: Жуковский неоднократно публиковал статьи Муравьева в «Вестнике Европы», вместе с Константином Батюшковым готовил к печати Полное собрание его сочинений

⁹ См.: Лепехин, Михаил. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (некоторые проблемы изучения) // XVIII век. Сборник 16. Отв. ред. Александр Панченко. Л.: Наука, 1989, с. 234-250.

¹⁰ Муравьев Михаил. Письма к молодому человеку // Сочинения Муравьева. Т. 1. СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1847, с. 436-438.

(1819—1820)¹¹. В ходе этой работы, растянувшейся почти на десятилетие, Жуковский познакомился с неизданными рукописями, оставшимися после смерти Муравьева, многие из которых сохранились в фонде Жуковского в РНБ. По сходству педагогической судьбы (Муравьев, как и Жуковский, кроме занятий с наследником престола, преподавал русский язык немецким принцессам, выданным замуж за русских великих князей), Жуковский не мог не соотносить свою деятельность с трудами предшественника, поэтому совершенно справедливо замечание Любови Киселевой о то, что «связь педагогики Жуковского с педагогией Муравьева нуждается в самом пристальном изучении»¹². Не претендуя на сколько-нибудь полное раскрытие этой темы, отметим те точки сближения в педагогических приемах Жуковского и Муравьева, которые просто бросаются в глаза.

Во-первых, как и Муравьев, Жуковский придает большое значение нравственной дидактике и считает ее не менее важной составляющей учебного процесса, чем собственно усвоение знаний. В «Плане учения» наследника престола поэт с самого начала постулирует: «Цель *воспитания* вообще и *учения* в особенности есть *образование для добродетели*». «Его Величеству нужно быть не ученым, а *просвещенным*. <...> Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью»¹³. Эта установка вполне гармонирует с подходом Муравьева. Следствием ее был особый, иду-

¹¹ См.: Левин, Виктор. Карамзин, Батюшков, Жуковский – редакторы сочинений М. Н. Муравьева // Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965, с. 182-191; с. 189-190; Жилиякова, Эмма. В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск: ТГУ, 1978, с. 71-104; с. 72-77; Космолинская, Галина. Константин Батюшков – редактор «Эмилиевых писем» М. Н. Муравьева // Рукописи. Редкие издания. Архивы. М.: Археографический центр, 1997, с. 143-168; с. 143-151.

¹² Киселева, Любовь. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Toronto Slavic Quarterly, № 15 (Winter 2006): <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/zhukovsky15.shtml>.

¹³ Годы учения Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича. Т. 1. СПб.: тип. II Отд. собств. Е. И. В. Канцелярии, 1880, с. 1, 18.

щий от общего к частному, принцип построения учебного плана, составленного Жуковским для великого князя Александра Николаевича.

Как известно, обучение наследника престола Жуковский разделил на три периода: учение пригготовительное (от 8 до 13 лет), учение подробное (от 13 до 18 лет), учение применительное (от 18 до 20 лет)¹⁴. В первом периоде наследник должен был получить общие понятия, во втором — эти же понятия должны были раскрыться в подробностях и деталях «как знания отдельных наук»¹⁵, в третьем — найти приложение в конкретной жизни. В первом периоде почти все уроки намеревался вести сам Жуковский, во втором — основная нагрузка передавалась учителям-предметникам, а в третьем упор делался на самообразование. При этом особенно важным был первый этап, на котором Жуковский, фактически, «солировал» в преподавании¹⁶. Но и на других этапах он должен был следить за согласованностью уроков и учебных программ. Фактически, поэт возлагал на себя обязанность на всем протяжении обучения своего подопечного, с 8 до 20 лет, «дирижировать учебной и воспитательной»¹⁷ наследника престола. Таким образом, учебный процесс приобретал цельность (что само по себе неплохо!), но в то же время рисковал оказаться слишком авторским, оторванным от необходимой педагогической прагматики, и полностью уйти в область поэтического самовыражения его «дирижера» и автора.

«Педагогическая поэма»¹⁸ Жуковского оказалась, однако, по большому счету, педагогической утопией. Она не смогла осуществиться в реальности не только из-за препятствий внеш-

¹⁴ Там же, с. 2-3.

¹⁵ Загарин, П. (Поливанов, Лев). В. А. Жуковский и его произведения. Изд. 2-е, доп. М.: Изд. Льва Поливанова, 1883, с. 405.

¹⁶ Кроме него предполагалось наличие только учителей французского, немецкого, английского языков, рисования, гимнастики и счета.

¹⁷ Бокова, Вера. Цит. соч.

¹⁸ Плетнев, Петр. Сочинения и переписка. СПб.: по поруч. II Отд. Акад. наук издал Я. К. Грот, 1885. Т. III, с. 648.

См.: http://imwerden.de/pdf/pletnev_sochineniya_i_perepiska_tom3_1885.pdf

него толка (например, вмешательства императора в учебный процесс), но и из-за внутренних противоречий, из которых главное было указано еще Львом Поливановым, автором известной книги о первом русском романтике и директором не менее известной гимназии: дедуктивный принцип построения учебного плана, когда основные понятия о мире и человеке даются в приготовительном периоде, а в последующих лишь раскрываются и детализируются с помощью предметных дисциплин, вряд ли имел шансы реализоваться на практике — можно ли всерьез рассчитывать, что обучение в старших классах точно уляжется в прокрустово ложе начальных понятий, «приобретенных наскоро, без прохождения наук»¹⁹, в младших?

Мы не будем углубляться далее в подробности организации Жуковским учебного процесса, вернемся к вопросу о преподавании им литературы. В соответствии с изложенными выше принципами оно строилось тоже дедуктивно. В числе предметов, предназначенных для преподавания в первом периоде, присутствует «философическая грамматика», очевидно, подобная той, которую Жуковский в свое время преподавал великой княгине Александре Федоровне²⁰. Вероятно, с этой дисциплиной был связан и курс по психологии, предназначавшийся Жуковским также для первого периода обучения наследника, черновые наброски которого сохранились в РНБ²¹. Из них видно, что после довольно пространныго и сложного, основанного на сенсуалистической философии Снедда и Кондильяка²², введения в учение о познавательных способностях человека, Жуковский собирался объяснить своему ученику происхождение видов речи, каждый из которых,

¹⁹ Загарин (Поливанов), цит. соч., с. 405-410. См. также: Степанов, Николай. В. А. Жуковский как наставник Царя-Освободителя. 1852-1902. СПб.: Изд. В.Д. Смирнова, 1902, с. 61-62.

²⁰ Киселева, цит. соч.

²¹ РНБ, ф. 286, оп. 1, № 118 (Жуковский В. А. Конспект по психологии, составленный для занятий с наследником престола).

²² О чтении Жуковским их сочинений см.: Канунова, Фаина. О философских взглядах Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск: ТГУ, 1978, с. 331-399; с. 346-399.

по его мнению, соответствует определенному виду понятий, этими способностями образуемых. Так, «понятия темные» («ощущения») соответствуют междометиям, «понятия» об отдельности — местоимениям, «понятия» о существовании — глаголам, «понятия» об отношении — предлогам и т. д.²³ Эти достаточно абстрактные и, несомненно, трудные для усвоения ребенком общие рассуждения должны были служить введением в курс русской литературы, изучение которого начиналось во втором периоде обучения наследника престола²⁴. Преподавать его, начиная с 1832 г., был приглашен Петр Плетнев.

Составленный Плетневым для этого преподавания «Хронологический список русских сочинителей» поражает своей подробностью. Только для допетровской эпохи Плетнев выписывает 79 имен, для XVIII в. — 82 имени, для XIX в. — 116, включая совершенно малоизвестных и незначительных авторов. Каждый из пунктов списка снабжен развернутыми библиографическими примечаниями. Если допустить, что хотя бы половина этого материала находила себе реальное применение в учебном процессе, то следует признать, что курс Плетнева был весьма педантичен. Степень его подробности соответствует степени абстрактности курса «философической грамматики», что вполне вписывается в общую «дедуктивную» стратегию Жуковского. В принципе, ей же, в некоторой степени (хотя и не в столь явно, как Жуковский), следовал и Муравьев, у которого, как мы видели, обзор русской литературы также предварялся общетеоретическими рассуждениями.

Но следует учесть, что «дедуктивная» стратегия определяла лишь архитеконику плана обучения в целом, внутри же наиболее разработанной его части — периода «приготовительного» — господствовала индуктивная стратегия, заимство-

²³ РНБ, ф. 286, оп. 1, № 118, л. 10 об.

²⁴ Годы учения..., с. 4. Обучение вел. кн. Александры Федоровны Жуковский строил по той же схеме: сначала — преподавание «философской грамматики» русского языка, а затем — русской литературы. Сохранились тетрадки Жуковского с конспектами по грамматике, предназначенными для Александры Федоровны, где он набросал список из 16 имен русских поэтов и писателей, о которых, вероятно, хотел вести речь. См. об этом: Киселева, цит. соч.

ванная Жуковским у Песталоцци²⁵. Она состояла в том, чтобы «объяснять более отдаленное и неизвестное ближайшим известным и как можно чаще обращаться к наглядности»²⁶. Следуя ей, Жуковский использовал в обучении множество придуманных им самим рисунков, гербариев, карт и других наглядных пособий.

Такой подход, делавший учение занимательным, имел несомненный успех: ученики Жуковского были готовы учиться по этим пособиям даже во внеурочное время. Дочь Николая I Ольга (1822—1892) вспоминала, как она заучивала исторические даты по рисункам Жуковского, сидя в экипаже во время заграничного путешествия 1842 г.: «время летело»²⁷. В тех случаях, когда наглядность нельзя было обеспечить за счет рисунков, Жуковский применял схемы и хронологические таблицы — чаще всего составленные им самим, но иногда и чужие, снабжая их собственными примечаниями. Так, в его библиотеке сохранились хронологические таблицы Фридриха Кольрауша, в которых карандашом отчеркнуты наиболее важные на взгляд Жуковского сведения и сделаны его рукой дополнения. Например, под 1826 г. Жуковский записывает: «Смерть Карамзина»²⁸.

Для занимательности при обучении русскому языку и литературе Жуковский использовал и столь широко применявшийся Муравьевым прием введения в учебный процесс художественных текстов собственного сочинения²⁹ (например, для занятий с вел. кн. Александрой Федоровной он специально на-

²⁵ О влиянии Песталоцци на Жуковского см.: Степанов, цит. соч.; Жиликова, Эмма, Киселев, Виталий. «План учения наследника... цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В. А. Жуковского // Вестник Томского гос. ун-та: Филология, 2014, № 6 (32), с. 125-136; с. 129-132.

²⁶ Степанов, цит. соч., с. 45.

²⁷ Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825-1846. Сон юности (http://dugward.ru/library/olga_nick.html).

²⁸ Хронологическое и синхронистическое обозрение всемирной истории. Сочинение Кольрауша, переведенное на русский язык, со многими дополнениями, Евстафием Ольдекопом. Кн. 1. Таблицы хронологические. СПб.: тип. III Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1833. С. 60.

писал «Библейские повести»³⁰) и выпуск в свет небольшим тиражом периодических учебных изданий. У Муравьева таким периодическим, продолжающимся произведением было «Обитатель предместия», у Жуковского — альманах «Für Wenige / Для немногих» (при занятиях с Александрой Федоровной), журналы «Муравейник» и «Собиратель» (при занятиях с наследником престола).

Однако, судя по всему, наибольший педагогический эффект приносили не эти методические ухищрения, а столь простая и в то же время действенная форма занятий, как совместное чтение художественных сочинений с учениками. Из переписки Плетнева с Яковом Гротом³¹ видно, что в 1843 г. он каждую неделю по вторникам приезжал к великой княжне Ольге Николаевне для того, чтобы читать вместе с ней избранные произведения русской литературы. Иногда в этих чтениях участвовала и императрица. Читали баллады, стихотворения, поэмы и эпистолярную прозу Жуковского, «Тараса Бульбу» Николая Гоголя. Учебные занятия, таким образом, соединялись с принятой во многих дворянских домах традицией семейных чтений, круг классических авторов через Плетнева и Жуковского сливался с дружеским кругом, учитель оказывался собеседником и сочувственным в литературных восторгах. Становится понятным парадоксальный отзыв, оставленный Ольгой Николаевной о Плетневе: «Из всех наших препо-

²⁹ Впрочем, этот прием использовал не только Муравьев. Екатерина II, как известно, сочинила для Александра I сказку о царевиче Хлоре. Образы из этой аллегорической сказки оказались столь важны для Жуковского, что он обращается к ним даже в 1840-е гг., составляя таблицы русской грамматики для обучения собственных детей (РНБ, Ф. 286, оп. 1, № 56). В качестве примеров для грамматического разбора он записывает следующие предложения: «Эта прекрасная роза без шипов цвела и чисто благоухала только в саду потерянного рая» (л. 20), «Это животворящее древо жизни и прекрасная роза без шипов были посеяны, пышно цвели и могли цвести вечно только в саду потерянного Эдема» (л. 21).

³⁰ Канунова, Фаина, Айзикова, Ирина. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001, с. 54-59.

³¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Издана под ред. К. Я. Грота. Т. 2. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1896.

давателей он был тем, кто особенно глубоко указывал и разъяснял нам цель жизни, к которой мы готовились. Хотя он был очень посредственным педагогом, его влияние на наши души и умы было самым благодатным»³².

«Посредственный педагог», отпугивающий академическим педантизмом, Плетнев становился для своих царственных учеников любимым наставником, лишь только способ его преподавания попадал в резонанс со способом существования придворной фигурации эпохи 1830—1840-х гг., определявшимся «семейной» стратегией. Так русская литература искала и находила модусы своего присутствия и авторефлексии в придворном пространстве того времени.

³² Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны...